

ЯЦЕК КОМУДА

ЯКСА
БЕС ИДЕТ ЗА МНОЙ

Перевод с польского: Сергей Легеза

Москва
Издательство АСТ

Глава 1

ОРДА

— **Б**удь они прокляты! — обронил король Лазарь. Он возвышался над собравшимися, как памятник совершенству: горделивый, седобородый, с белизной на выбритых висках. Волосы чуть выбивались из-под короны и стекали на плечи, укрытые ало-золотистой сюркоттой. Корона Ведов была потемневшей, но столь же горделивой, как и владыка. Блеск старого золота смешивался с синими и зелеными вспышками сапфиров и изумрудов, с белым сиянием жемчужин. Блестела дубовая листва на изукрашенном обруче.

— Всяк, в ком лендийская кровь, кто лендичем зовется, кто приносил клятву моему величию, но не прибыл на бой с хунгурами, да будет проклят!

— Проклят в доме и во дворе, проклят во граде и на пашне, проклят сидя, стоя, на коне, в питии, в работе и во сне, — вторили хором два придворных инока Праотца и иерарх Старой Гнездицы — старец с белой бородой и посохом, украшенным цветом божественной яблони.

— Чтоб не знали они ни сына, ни дочери,— гремел король.— И чтобы не родило ничто, к чему они прикоснутся. Ни вино, ни белая пшеница!

— Проклят пусть будет он так, чтобы ни члена здорового в нем не осталось, от макушки до пальцев стопы,— вторил хор духовных голосов.— Да вытекут внутренности его, а все тело да источат черви!

— Чтоб они захирели. Чтоб род их угас. Прокляты! Прокляты! Трижды прокляты!

— Прокляты купно с Чернобогом-предателем и Волостом-лжецом! С Продосом, мерзким карликом измен, и с Ханой кривоклятвенной, и с Антом-мужебойцем! — закончили духовники.

Лазарь надрезал ладонь правой руки и возложил ее на Знак Копья, воткнутой в камень посреди королевского шатра.

— Ступай, кровь, к оружию. Мы, лендичи, предпочтем железо пред золотом, и им защищаемся. Ступай, кровь, ко крови, свидетельствуй о моих словах!

— Во имя Праотца!

Не сказать, что слова проклятия пали в пустоту. Собравшиеся в королевском шатре властители и рыцари стояли неподвижно под стенами, на минуту прекратив беседовать да кивать друг другу над поставленными в форме подковы столами.

Лазарь вытянул руку, вытер ее о рушник, поданный оруженосцем, вернулся на свое место и теперь поднимал золотую чашу.

— Се последний пир перед битвой. Выпьем же за победу, поскольку без нее... не вернемся. Лишь бы Праотец дал нам победу, а Есса позволил лечь в

Короне Гор, в пещерах меж королями-духами, славными нашими предками.

Вокруг вскипело. Десятки рук ухватили кубки и рога. Князя, иноки, палатины, достойники — все высокие и крепкие, жилистые и статные. Фигуры в сюркотках, коротких куртках-туниках и стеганках, украшенных блестящими клепками, с красными и сине-желтыми гербами на груди. Люди со старыми морщинистыми лицами, на которых солнце и вражеское железо резали знаки геройства и отваги. Позади маячили лица рыцарей с подбритыми висками — лендичей. А рядом с ними загорелые от горного и степного ветра лица господарей Монтании и Подгорицы — суровые, бородатые, заросшие морды князя Дреговии и его приближенных дружинников.

Добавь к тому дым, лезущий в глаза и встающий над огнем посреди шатра, запах железа от мечей и доспехов да темные следы, оставленные на одеждах гостей панцирями. И красный отблеск закатного солнца, бьющего в полотняные стены шатра. Тот, что ложился на короля Лазаря и его рыцарей будто кровь.

— Мы идем против них уже десять дней,— сказал король,— и все еще не ведаем, из какой бездны они вышли. Наверняка могу сказать одно: королевство наше, Великая Лендия, стоит у них на пути, как скала против морской волны.

— Хунгуры,— тихо произнес иерарх.— Народ дикий, степной. Не знают ни законов Праотца, ни его Знака. Превышают жестокостью всех известных нам тварей земных. Столько-то вычитали мы в хрониках.

— Откуда они приходят?

— Из бездны Чернобога,— ответил инок Гоштыл.— Они идут следами наших отцов, дорбгой, которой века назад прибыли веды, когда Есса вывел их из Тооры. Это бич Праотца! Кара за преступления, которые совершили мы, отступив от законов Ессы.

— Пьют они только воду и едят трупы, пищей служат им штука конского мяса, вяленная под седлом, одеждой — баранья шкура, ложем — земля рядом с их шатром, а степь... Праотцом,— закончил королевский поверенный инок Иво, прозванный Голубком.

— Пьют кровь, а для излечения ран используют рубленные сердца врагов,— добавил кто-то сзади.

— Коням подрезают ноздри, чтоб тем легче дышалось.

— Будто псы, пьют испорченное кобылье молоко. Едят котов, мышей и крыс.

— Государь мой,— склонился над столом князь Дреговии, да так, что заколыхалась его толстая золотая цепь, упавшая на жирное брюхо. Был это большой и сильный мужчина, с бородой лопатой, грубо тесанный, как и все его племя. Стоящие за ним витязи в сегментированных на груди доспехах казались его отражением: крупные и статные, в зеркальных латах и панцирях.— Могу вас уверить, что, когда первые из них осаживали Радуницу, они ели мясо мертвых как упыри, но сперва всегда его варили.

— Так или иначе,— сказал Домарат Властович, человек с красивым благородным лицом, королевский палатин Лендии,— они едят врагов.

— Давайте не будем говорить о поганных за ужином,— проворчал его товарищ, худой и сожженный

солнцем Фулько. — Се идет смертельная желчь с востока. У воинов ее порезанные лица и бритые головы с косицами, а ежели они украшают их рогами Волоста, значит, они его братья, помет Чернобога.

— Уродливые и кривые, — добавил светловолосый и весь в шрамах Христин из Ястребна, палатин Младшей Лендии. — С мощными заливками, они как двуногие звери или идолы. Проклинают именами мертвых родичей, побежденным отрезают головы и сносят те своему кагану.

— Лица их непристойны, они — проклятие для Праотца и нас, рыцарства, — произнес иерарх. — Как бесформенный корж с дырами вместо глаз. Детям режут щеки, чтобы приучить их к боли.

— Волосатые ноги обертывают козьими шкурами, на головах носят шапки с рогами, и рога эти втыкают, куда придется: в плечи и локти, украшают ими лошадей, — говорил дрожащим голосом инок Иво. — Женщины их все время сидят по повозкам, где ткут шерсть, сожительствуют с мужьями и собственными лошадьми, а детей-уродцев рожают в навозе, чтоб те были крепки против болезней. Мужчины живут лишь на конях, верхом. Нет у них постоянных усадеб.

— Тех, кого берут в рабство, клеймят.

— Сопровождают их безбожные женки на конях, — сказал Фулько, а рыцари оживились, будто вообразили себе боевых девиц верхом на жеребчиках.

— И наверняка они, невзирая на женскую честь, — буркнул Иво, — ездят по-мужски.

— О-о-о, верно вы говорите! — поднялся господин Ворштыл. — В таком-то случае хунгуры — просто

дурная орда неразумных забияк, которых мы быстро обратим в свою веру нашими большими мечами. И пошлем взбивать масло в пахталках.

— Да, месить тесто!

— Баба с конюшни — коням в радость! — фыркнул палатин Христин.— Сбегут, прежде чем мы вынем наши мечи.

Вокруг раскатился смех, а мрачное настроение исчезло, изгнанное по углам виватами, шуточками и цепочкой слуг, которые стали вносить в шатер золотые блюда с дичью и птицей с огня; с ветчиной, завернутой в листья хрена, и запеченными в горшочках свиными четвертями. Поднялся шум, начались разговоры. Вино полилось в кубки и рога, красное будто кровь.

И тогда встал худой мужчина с длинными черными волосами да изрядными усищами. В алых одеждах, украшенных золотыми плашками у пуговиц. В колпаке с нашитыми крупными рубинами, похожими на пятна крови. Снял шапку, склонился покорно. Мирча Старый, господарь Монтании, которой они шли еще вчера.

— Милостью Ессы, святого глашатая законов, позвольте мне сказать, благородные господа веда,— произнес он униженно.— Есть дела, о которых вы должны узнать нынче, поскольку завтра будет поздно.

— Говорите, господарь,— махнул рукой Лазарь.— Хоть я не знаю, что еще может растревожить нас перед боем с дикими язычниками.

— Хунгуры немного известны мне, господин. Доходили до меня слухи, как они сражаются. В первой стычке засыпают врага стрелами. Ни в коем случае

нельзя за ними гнаться, поскольку они сбегают, чтобы завлечь тебя в засаду. Рыцарям должно...

— Мы сами прекрасно знаем, каковы долженствования лендийских господ,— прервал его Фулько.— Может, вы и сбегаете, господарь, когда они мечут в вас свои свистящие стрелы, но мы не покидаем поля боя раньше, чем падет последний бес из степи. Встанем подобно стене!

— В этом и весь фокус: встав шеренгами, вы подставитесь под их стрелы. Следовало бы разомкнуть строй, чтобы уменьшить потери.

— Как челядь, простецы или твоя монтанская кавалерия, сударь господарь?

— Я никогда не говорил, что вы пугливы,— Мирча поднял глаза,— а в присутствии нашего владыки я глух к оскорблениям. Но вы не видели их луков. Некогда показывали мне один, и я вострепетал,— он взглянул на Лазаря, словно ища поддержки.— Они выгнуты назад и оклеены рогом. Бьют одоспешенных людей за пятьсот длинных шагов.

— Против луков у нас есть броня и сварнийские доспехи из Скальницы. У нас сильные кони, в то время как хунгуры, как я слыхивал, ездят на косматых псах. Советую вам: лучше, господарь, молитесь о том, чтобы они от нас не сбежали.

— Эй, брат,— проворчал в сторону Фулько господин Домарат.— Не прерывайте; делаетесь тогда яростнее самогб... королевского палатина. А ведь на турнире не выиграла у меня.

— Потому что у вас... никто не выигрывает. Вы — мастер меча, владыка копья, как стена отбиваете удары.

Другими словами... простите, — Фулько прикрыл глаза. Поклонился, не вставая с лавки.

— Господарь... — начал Лазарь. — Напомните мне, как зовется их... король?

— Каган, господин. Горан Уст Дуум. Великий, величайший, трижды великий Горан, каган Бескрайней Степи, Даугрии и Югры. Владыка тварей, коней и всех народов от Дреговии до Китмандских гор. Князь Красной и Черной Тайги, угорцов, чейенов, саков и даугров.

— Откуда... где скрывались до сих пор столь... демонические люди?

На этот раз встал и поклонился господарь Подгорицы — Рареш, некогда зовомый Самодержцем, но с той поры, как он ближе познакомился с мечами лендичей, был уже лишь князем. Человек жестокий и дикий, как сама Подгорица. С широкой рыхой, рыжеватой бородой, разделенной надвое, без левого глаза, на месте которого сверкал зеленый камень. Был он увешан золотом, словно языческий идол, и оттого сверкал сильнее, чем его суверен — король Лендии.

— Это-о-о не люди, великий король. Мы слышали о них, вести носит ветер. Пришли они с Дальнего Востока, из мест, нам незнакомых. Прodelали немалый путь, не повернут и наверняка не останоятся.

— И потому, — Лазарь поднял свой кубок, — хорошо, что мы станем с ними биться в степях, пока далеко от границ, вместо того чтобы позволить им перелиться через горы, словно волнующееся море. Только бы битва принесла мне спокойный сон в гротах королей-духов в Короне Гор.

— Ты сказал, господин,— склонил голову Рареш.— Пью ваше здоровье, король Старой Гнездицы и Скальницы! Владыка Дуба Расхождения. Суверен Подгорицы, будущий победитель мерзкого кагана Горана, триумфатор Рябого поля.

Они вставали по очереди — князья и господа, рыцари и жрецы.

— Надеюсь,— слабо произнес Лазарь,— что вы не скрываете под этим тостом измены. И что все вы, как один муж, броситесь со мною в бой, из которого мы не можем выйти иначе, чем со щитом победы.

Лазарь заглянул в темные глаза Мирчи, поймал пустой взгляд Свана, уперся в единственный глаз господаря Подгорицы, смотрел на лица Драгомира, Христина, Домарата, рядом с которым сидели Фулько и мужчина с поседевшими волосами, благородными чертами лица и короткой бородой... Милош из Дружицы. Он тоже поднял кубок за здоровье короля. При этом так сжимал пальцы, что те побелели. Не хотел, чтобы остальные увидели, как они дрожат.

* * *

— Хорошо, что вы здесь...
ХЧамбор ждал за королевскими стражниками. Племянник по сестре Милоша был высоким юношей со светлыми, по-рыцарски подбритыми волосами, в тесно облегающей клепаной стеганке, с мечом у левого бока и кинжалом у правого. На утепленной одежде у него была куртка с гербом — Ливой, золотой звездой, вписанной в тонкое кольцо

полумесяца на синем поле. Рядом с ним стоял лишь один слуга — мрачный усач, который все выполнял неторопливо, зато мало говорил, что нравилось его господину.

— Приветствую вас, дядя,— сказал юноша хриплым, но красивым голосом. Осмотрелся.— Вы одни у короля были? Без ваших людей?

— Пойдем-ка со мной,— кивнул Милош.

Двинулся лагерем, что погружался во тьму. Небо над ними было чистым, выметенным от туч, а останки вечера умирали позади лагеря, за Южным Кругом гор. Там, на выбеленных вершинах, еще царила зима, в то время как на Рябом поле уже начиналась горячая степная весна. Бескрайняя Степь, покрытая холмами и длинными валами взгорий, возрождалась к жизни молодой травой, взлетающими там и сям стаями дроф, тетеревов и куропаток, клиньями гусей, что тянулись днем к горам. Бескрайностью серо-синих просторов и холмов, что ложились под копыта коня как разноцветный ковер.

В лагере царил гомон. Перед шатрами, изукрашенными гербами, с шестами, увенчанными вырезанными из дерева головами коней и диких тварей, горели огни и смоляная щепка в железных корзинах. Между шалашами и палатками порой вырывался сбивающий с мысли лязг молотков: кузнецы и подмастерья ковали подковы, правили доспехи, шлемы и шишаки, оружейники латали кольчуги и бармицы. Слуги ходили с ведрами, поили лошадей; запах коней, быков и других животных, обещающий погоню, бой и страх, вверчивался в нос, мешаясь с кислым запахом дыма.

— Хочется в бой, дядя,— сказал Чамбор.— Не могу дождаться битвы и трофеев: хунгурских коней, оружия, шатров. Их каган пьет ведь с золота, не из дерева!

— Это твоя первая битва, сыне?

— Я уже опоясан мечом, дядя! Сам палатин Старшей...

— Ты слишком уверен в победе.

— А как иначе, дядя? Как может быть по-другому? Столько рыцарства я не видывал... даже во сне. Разгоним эту босоту, разнесем на четыре стороны Ведды.

— Шпоры тебе, кажется, за глупость дали.

— Как?! Что вы такое говорите? Я ведь побил и повалил Драга — так, что земля затряслась. На турнире в Старой Гнездице. Дядя, когда бы это сказал другой человек, а не вы, я...

— И что бы ты мне сделал?

— Вам — ничего.— Чамбор закусил губу.— Отец наказал вас слушаться. Вот я и слушаюсь. Все дурное выпускаю... в другое ухо.

Они шли молча, глядя на лагерь, бьющиеся на ветру хоругви лендичей, украшенные башками кабанов, медведей да туров станицы монтанов, дреговичей и подгорян. Проходили мимо шатров рыцарских и владычных — круглых и овальных, двух- и одностолбных. Украшенных вьющимися, подобно змеям, орнаментами и тамгами.

Милош отозвался, лишь когда они добрались до его скромного постоя. Два воза, кони привязаны к вколотым в землю столпам, под полотняным навесом. Широкий длинный шатер, украшенный гербом — Дружицей. Костер давно угас.

— Чамбор, я позвал тебя, поскольку тебе доверяю. Тебе одному.

— Большая честь для меня, дядя. Мой меч...

— Мне не нужен меч, мне нужен твой разум. Ты молодой, смелый и порывистый, только рассудительности тебе недостает. Но это придет со временем, надеюсь.

Чамбор не стал возражать.

— Хочу попросить тебя кое о чем: чтобы ты опекал моего сына.

— Бойтесь смерти? Вы, славный Милош из Дружницы? А меня называете глупцом?

— Никто не ведает, что нам на завтра писано. Сыну моему пять... нет, шесть весен. Он в Дружице с моей... женой.

— Что я, нянька, дядя? Я приехал, чтобы сражаться, а не детишек развлекать.

Милош ухватил его за стеганку под шеей. Сильно, хищно, словно вместо пальцев у него выросли когти.

— Не болтай почему зря, меня и так от ярости трясет,— крикнул.— Тебя, когда ты был мал, тоже кто-то вынес из горящего подворья во время битвы с дреговичами. Иначе ты здесь не стоял бы, дурья твоя башка!

Дернул его и толкнул, потом убрал руку.

— Не сердитесь... Я просто... Отчего не поручите опеку кровному брату, Пелке?

— Они слишком хорошо знакомы с Венедой,— отрезал Милош. Тряхнул головой, словно избавляясь от дурных воспоминаний.— Слово мое и волю подтвердит Прохор, старший слуга, и брат Лотар из пустыни в Могиле.

— Что ж.— Чамбор явно не слишком радовался, поглядывая во все стороны, избегая взгляда Мило-

ша.— Как я сказал, отец наказал вас слушаться и почитать. А потому — повинуюсь и стану приглядывать за вашим сыном.

— Под клятвой. Говори. Прошу...

Толкнул племянника, потом изо всех сил ударил его по плечу, а пойманный враспloch юноша припал на одно колено.

— На мече,— Чамбор схватил оружие, вынул клинок из ножен на ладонь.— Во имя Единого Праотца и его сопомощника Ессы, клянусь моей рыцарской честью, что приму опеку над вашим сыном, пусть бы и пришлось мне забрать его из Дружицы в Дедичи...

— Благодарю. Это всё.

— Вы правда думаете, что мы проиграем, дядя? Вы, королевский рыцарь...

— Я не думаю, я действую, дорогой мой. Обстоятельства... запутанны.

— А где ваши люди? — Чамбор осмотрелся на стоянке Милоша.— Кони не вычищены, и меры овса не видно, траву выели под ногами. Где Гевальт и Спытко? И трое невольных, что вы в поход взяли? Эх, бить их дубовой палицей, пока не возьмутся за ум.

— Должно быть, сбежали.

— Гевальт? Оруженосец? Это ведь смертное дело!

— Ага,— кивнул Милош.— Смертное дело. Это ты хорошо сказал.

— Но ведь...— Чамбор отбросил полотняный полог, прикрывающий сверху воз,— ...оставили оружие. Доспехи, сюркотты? Не чищены, даже старая кровь осталась.

Милош дернул за полотно, опустил его и прикрыл воз. Нервно, неловко.

— Не пригласите на вино?

— Ступай уже, Чамбор. Оставь меня одного. Думай о славе, которую завоеешь завтра на Рябом поле. И о моем сыне. И помни, он зовется Якса.

Милош склонился над возом, поднял круглый череный сварнийский шлем с забралом для лица, оставляющим лишь отверстия для глаз, подцепил тяжелую шелестящую кольчугу, украшенную на плечах пластинами. Его рука дрожала, когда он перебрасывал броню через плечо. Дернул за шнур завесы, привязал его к чеке у колеса воза. Затем отошел от шатра. Перед тем как уйти, еще оглянулся и попрощался с Чамбором взмахом руки. Отступил в темноту.

Его бледное благородное лицо исчезло в темноте, словно лик призрака.

— Эх, дядя,— сказал Чамбор сам себе.— Не будет тебе нынче так же хорошо, как жене твоей, Венеде, в постели придворного инок...

Арна.

Имя последнего он не произнес. Уже все, пожалуй, знали, что происходило в доме старшего из рода Дружичей. Но Чамбор не сказал бы этого прямо, не ляпнул бы дяде в глаза, несмотря на высокомерие недавно получившего пояс и шпоры рыцаря. Отец приказал ему слушать Милоша и исполнять его волю в этом походе. А спорить с родителем не следовало.

* * *

Милош входил в шатер медленно, осторожно, чтоб не зацепиться за ковер и не споткнуться о ложе из шкур, брошенных на солому.

